

ВЕЛИКАЯ СИЛА СЛОВА

РАЗГОВОР С МОЛОДЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

СНОВА, в который раз, выразила партия заботу о будущем литературы и искусства. Я имею в виду постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», в котором обозначены пути воспитания нашей смены. Какие же являются мысли при взгляде на дорогу, которую выбирают молодые? Как известно, одни писатели приходят в литературу как бы из самой же литературы, другие — из житейских будней.

Первые, как правило, входят в нее вроде бы уверенно и часто стремительно, поскольку широко грамотные и начитанные, раньше вторых познали ее, литературы, азы. Вторые, в сравнении с первыми поначалу кажутся увальнями, к писательству выходить не торопятся, а просто где-то живут, трудятся, не подозревая даже, что житейский их опыт, трудовые их навыки и наблюдения со временем окажутся единственно надежной опорой на долгой, ухабистой и никак непростой дороге — дороге литературной.

Вторым я доверяю больше, ибо их голос звучит из глубины жизни. Этот голос, исполненный силы и энергии, слышен ныне и в столице, и во многих городах и весях нашей страны. Заговорили люди, которым есть что рассказать. Заговорили не раньше того, как почувствовали властную потребность в этом и испробовали, — раз, и два, и сто испробовали на вес и вкус упругую силу слова, которое должно лечь в основание их будущего сооружения — рассказа, повести, а может быть, и романа.

Вот почему разговор с молодыми мне хотелось бы начать размышлениями о слове, то есть о том оружии всечеловеческого общения, которое вручается людям природой безвозмездно и на вечное пользование.

Слово — штука весьма серьезная. Оно способно вызвать улыбку у самого мрачного по натуре человека и повергнуть в крайнее уныние непобедимого, казалась бы, весельчака. Слово может возвысить, очистить душу человека и уронить ее в бездну, то есть унижить, оскорбить, осквернить. Из слов составляются гимны, поднимающие народы на борьбу, из слов же составляются пасквили, возводящие хулу на самые дорогие и святые для нас истины. Сила слова безгранична. Призванное объединять людей и действительно объединяющее их в малые, большие ли семьи, оно, слово, может создать и отчуждение между людьми, то есть образовать между ними пропасть, друзей сделать врагами.

Мы говорим, что с огнем играть опасно. Но редко мы говорим, что не менее опасно играть со словом.

«Оно не звук окостенелый, не просто некий материал, — нет, слово — это тоже дело, как Ленин часто повторял», — сказал о слове большой мастер слова Александр Твардовский. А он-то уж знал «цену» писательского поиска.

Мне представляется это первым, о чем должен подумать человек, который из множества дорог избирает литературную. До конца пройти этой дорогой могут лишь люди, не только одаренные литературным талантом, но и отвагой, потому что всю свою сознательную жизнь будут иметь дело со словом как главным инструментом своего ремесла, а слово — это оружие, и притом грозное. Оно дается в руки лишь бойцам, а боец по призванию своему обязан быть отважным, мужествен-

ным и отлично владеющим своим оружием.

Ступившему на литературную дорогу, конечно же, хочется быть новатором. Но для этого надо овладеть прежде всего богатством народного языка (только он и может оживить, оплодотворить язык литературный, придать ему аромат, разнообразнейшие оттенки, неповторимую прелесть), а не изобретать для собственного удобства среднеграмматический язык, потом тщательно обстрогать его, обкорнать и назвать телеграфным, рожденным, мол, динамичностью нашего века, века немислимых скоростей. Однако высокие скорости не смогли изменить ритмичности в работе человеческого сердца. Пульс стучит все так же размеренно и в тех же пределах, как стучал он и тогда, когда мы перемещались на телегах. Поэтому есть основания предположить, что телеграфный стиль придуман теми, кому во что бы то ни стало нужно замаскировать, завуалировать, прикрыть языковую свою немощь.

Беда и болезнь многих молодых и начинающих — бесхлопотное, я бы сказал, обращение со словом: берется первое попавшееся, то, что лежит на поверхности. Но механическое словосоставление — еще не литература. Тем более преступно в ней пренебрежение элементарными нормами родного языка.

Читаю, например, рукопись начинающего писателя В. Рукопись, написанную вроде бы с самыми благими намерениями. И тема вроде бы нужная, важная. Но книга не состоялась. В повести не было языка, а потому не было и самой повести. Уже на первой странице: «Странное, неуравновешенное настроение переживала я тогда...». Писать так, конечно, нельзя. А ежели к этому добавить, что такое же «неуравновешенное» настроение испытывают чуть ли не все персонажи повести, то это уже не описка, а определенный стиль. Вернее, отсутствие такового.

Я сослался на эту рукопись совсем не потому, что хотел обидеть молодого литератора. Может быть, со временем придет к нему и чувство слова, и мастерство.

Мне хотелось лишь подчеркнуть, какое это непростое дело — владение словом. Сколько труда, пота, поисков должно остаться позади, прежде чем человек, взявшийся за перо, почувствует себя уверенно на литературной дороге.

Вдумайтесь, как даже Лесков, этот величайший мастер и волшебник, «единого слова ради» перемывал «тысячи тонн словесной руды». Чтобы мыслить «образно», считал он, и писать так, надо, чтобы герои писателя говорили каждый своим языком, свойственным их положению. Если же эти герои говорят несвойственным их положению языком, то как узнать, кто они сами и каково их социальное положение. Он внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у него по-своему, а не по-литературному.

ВОТ ЧЕГО мне хочется. Мне очень хочется, чтобы у наших молодых товарищей этот прекрасный момент владения словом наступил как можно быстрее. И еще хочется, чтобы эпитет «молодой» как можно

скорее отделился от слова «литератор». Пускай он какое-то время остается лишь как обозначение физического возраста писателя, а не его творений, которые должны быть во всех отношениях зрелыми, а молодыми — всегда лишь в смысле свежести и яркости.

И хочется пожелать всем им орлиной зоркости, чтобы речную зыбь и рябь, вызванную мимолетным ветром, а точнее бы сказали — поветрием, они не приняли за стремнину, за глубинное, главное течение...

Совсем недавно на одном из предприятий родной мне Саратовщины рабочий, о котором по привычке мы продолжаем говорить, что он «простой», сказал очень значительные слова, хотя произнес их не с высокой трибуны, а так, в беседе с товарищами по цеху: «Ребята, не забывайте, что мы делаем пятилетку качества».

Он-то имел в виду свой завод. Я же, услышав такое, подумал о нашем цехе — литературном.

Нас не может не беспокоить то грустное обстоятельство, что уровень мастерства в сотнях выходящих книг, мягко говоря, желает лучшего. Ведь, к примеру, сказать, гладкопись — это еще не мастерство.

Национальный язык, так же как и сама нация, складывается веками и должен бережно охраняться, как охраняются духовные ценности непреходящего значения. В нашей стране есть законы об охране земли, вод, недр. Уж не подумайте ли нам о принятии закона по охране родной речи?..

Я сознательно говорю — родная речь, ибо имею в виду не один лишь русский язык, но и языки, на которых создают свои произведения товарищи из братских республик. Что же касается языка русского, то в охранении его, как мне думается, кровно заинтересованы не только мы, пишущие на нем, но и литераторы других национальностей, поскольку им вовсе не безразлично, на какой русский язык их переводят: на среднеграмматический, «обезвоженный», «обезжиренный» или на полновесный, на такой, на каком работают, скажем, Шолохов, Леонов, Федин, работали Исаковский, Твардовский и другие настоящие мастера.

Как-то калмыцкий поэт Давид Кугультинов, выступая по телевидению, говорил о том, что через русский язык его муза была услышана в Японии и в других странах. То же самое могли бы сказать о себе и Мирзо Турсунзаде, и Эдуардас Межелайтис, и Олесь Гончар, и Расул Гамзатов, и Иракий Абашидзе, и Алим Кешоков, и Кайсын Кулиев, и многие другие поэты и прозаики советских республик, составляющих вместе с Россией одну великую семью. Повторяю, им-то ведь очень важно, чтобы их творения не попали в руки переводчика со средним или менее того словесным достатком!

Язык — великое наследие для всех поколений, он, как и земля, неделимый фонд у народа в прошлом, в настоящем и в самом отдаленном будущем. Засоряя его, обедняя — значит обкрадывать не только самих себя, но и тех, кто придет нам на смену.

Разумеется, я ни на минуту не забываю, что язык — строительный материал для создания прекрасного, помню о том, чего ждут от своих писателей советские люди. Они хотели

бы увидеть в наших книгах себя. И увидеть себя в полный рост.

Отсюда главной задачей писателей по-прежнему остается создание художественного образа, достойного нашего современника — строителя коммунизма. Таковым должно быть содержание наших произведений. Однако прекрасное содержание должно быть облачено в прекрасные одежды, которые изготавливаются писателями не из чего-нибудь, а опять же из слов.

Ну, а что же сказать о нашем герое, нашем современнике и соотечественнике? Технический прогресс, о котором так много говорят сейчас, усложнит еще более и без того сложную и глубокую сферу его духовной жизни — вот чего не проглядеть бы нам! А что же надо делать, чтобы этого не произошло, чтобы не отстать от жизни?

ЖИЗНЬ бесконечно сложна, разнообразна и многослойна. Ежели литератор поставит перед собой заведомо непосильную задачу — быть знающим во всех областях человеческой деятельности, то во всех этих областях он ничего толком знать не будет. Конечно, чутким ухом художника он должен улавливать все звуки мира, его сердце должно быть открыто всем человеческим страстям, но для себя все-таки он должен раз и навсегда определить одну, пусть одну-единственную, но «пламенную страсть».

Надо избрать для себя что-то одно, одну «человеческую область», прикипеть к ней не только разумом, но и сердцем — прежде всего сердцем! Тогда эта область раскроется перед тобой полностью и во всей пленительной привлекательности. Надо знать и любить эту область. Любить просто, естественно, как любят люди, избравшие ее делом всей своей жизни.

Другого пути к исследованию души человеческой мне, честно говоря, не видится.

За простым я, может быть, чаще всего повторяем нами словом «работа» как раз и стоит то самое главное, незаменимое, что наполняет творческое дарование жизненной силой, что обеспечивает нас прочной связью с коллективом, с повседневными заботами тружеников. А они, эти заботы, в свою очередь связаны и неразрывны с теми планами, с теми задачами, которые решает страна в своем движении к коммунизму. Да, только жизненный опыт, подкрепленный дарованием и дерзостью молодости, активное участие в реальных делах своих современников помогут каждому из подающих надежду не только выйти к самому себе, найти свое место в литературе, но и обрести в ней свое имя.

Пишу об этом потому, что у молодых литераторов заметно повысилась и грамотность, и умелость по сравнению, скажем, с нами, входившими в литературу четверть века назад. Но недостает порой дерзости мысли, широты взглядов, философского осмысления жизни, активного вторжения в проблемы современности. А ведь именно эти свойства были характерны для всех наших выдающихся художников слова с самого начала их вхождения в литературу. Они не боялись взять на себя, на свои плечи, тогда еще юные, груз, который и теперь кажется невероятно тяжелым. И каких же высот при этом сумели достичь они! Кому, как не молодым, продолжать это гордое восхождение, нести дальше знамя нашей славной советской литературы.